

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Летатели Гая.

Межпланетная история.»

«The Flyers of Gy.

An Interplanetary Tale.»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex. V. M. A

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Летатели Гая.
Межпланетная история.»

Le Guin

“The Flyers of Gy. An Interplanetary Tale.”

2000 © Ursula Kroeber Le Guin

2000 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

2000 © переводчик Е. Гужов

12-13.09.2017 © оформление Alex-Rus

12-13.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 2000 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная [Урсула Кроубер Ле Гуин \(Ursula Kroeber Le Guin\)](#) в своём рассказе 2000 года «Летатели Гая. Межпланетная история.» (в оригинале «[The Flyers of Gy. An Interplanetary Tale.](#)») описывает фантастический мир, в котором по невыясненной причине один из тысячи жителей в возрасте около двадцати лет вдруг может, пережив болезненную трансформацию, отрастить крылья и научиться летать, пусть и с не менее необъяснимым риском внезапного падения. С удручающей реалистичностью [автор](#) упоминает «культурные» (точнее культовые) вариации с жертвоприношениями таковых «летателей» и с впечатляющей убедительностью передаёт мировоззрение двух из последних — одного, существование которого не мыслимо без полёта, и другого, который демонстративно не желает даже попробовать взлететь.

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней ментально-духовного развития, включая всех (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Однако оно, к сожалению, во всей своей философски-лирической глубине практически наверняка окажется недоступным поклонникам «особо приближённых к императору» бумагомарак вроде «Подлятиных» и прочих альтернативно одарённых (с параноидально-шизопатическим уклоном) инфернальных проповедников «радиоактивного пепла», а ещё может оказать существенное травматическое воздействие на психику агрессивно-великодушных «гейропофобов», патологично-маниакальных «гундяефилов», да и вообще принизить «загадочную» дýшу какого-нибудь раболепного верноподданного воинствующего «[руSSкага мира](#)» и оскорбить фанатичного апологета апокалипсического «[Третьего Рима](#)», Рейха, Вавилона иже с ними...

12-13.09.2017 © [Alex.Rus.UA](#) АКА [Alex-Rus](#)¹

1 Редакция 12-13.09.2017 фантастического рассказа 2000 года «Летатели Гая. Межпланетная история.» (в оригинале «[The Flyers of Gy. An Interplanetary Tale.](#)», автор [Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin](#)) на основе текстового файла от 25.12.1999 г.; рассказ этот, очевидно, может быть отнесён к [Хайнскому циклу \(Hainish\)](#) произведений, хотя про это явного упоминания в тексте нет. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

Летатели Гая. Межпланетная история.

Обитатели Гая выглядят очень похожими на людей нашей планеты, только у них перья, а не волосы. Тонкие и пушистые на головах младенцев, перья у птенцов превращаются в серовато-коричневую мягкую, короткую шапочку в крапинку, а в юности вся голова зарастает перьями. У большинства мужчин жёсткие перья на загривке, перья покороче по всей голове и длинные прямые гребешки. Головное оперение мужчин коричневое или чёрное, иногда рыжее и разнообразно расцвечено бронзовым, красным, зелёным и синим цветом. Плюмажи у женщин обычно вырастают длинными, иногда они спускаются по спине почти до пола, с мягкими, вьющимися, слегка свисающими краями, словно у хвостовых перьев страуса, и цвет перьев у женщин живее — пурпурный, ярко-алый, коралловый, бирюзовый, золотой. Мужчины и женщины Гая опушены в лобке и подмышками и часто у них тонкое, короткое оперение по всему телу. Люди с яркими перьями очень приятно выглядят обнажёнными, но их чаще раздражают вши и гниды.

Линька — процесс не сезонный, а постоянный. Когда люди стареют, не все вылинявшие перья отрастают заново, и пята залысин обычны, как среди мужчин, так и женщин, которым за сорок. Поэтому большинство гайрян при линьке сохраняют свои лучшие головные перья, чтобы при необходимости сделать из них парики или фальшивые гребни. Те, чьё оперение скудно или тускло, могут купить перьевые парики в специальных магазинах. Некоторые модники обесцвечивают перья, орошают их золотой краской или завивают, и магазины париков в городах обесцветят, выкрасят, покроют лаком или завьют любое оперение и сделают любые модные причёски. Обедневшие женщины с особо длинными, роскошными плюмажами часто продают их в магазины париков за весьма приличную цену.

Гайряне пишут перьевыми ручками. Традиционно отец дарит набор собственных жёстких перьев ребёнку, начавшему в школе изучать письмо. Влюблённые обмениваются перьями, которыми пишут друг другу любовные письма, милый обычай, отражённый в знаменитой сцене пьесы Инуинуи «Недоразумение»:

«... Моим пером-изменником писáлась

Его любовь — моим пером и кровью!»

Гайряне — степенные, уравновешенные, приверженные традиции люди, они не интересуются инновациями и стесняются незнакомцев. Они сопротивляются технологическим изобретениям и новинкам; попытки продавать им шариковые ручки или самолёты, побудить их войти в чудесный

мир электроники, оказались неудачными. Они продолжают писать письма друг другу перьевыми ручками, вычисляют с помощью собственных голов, ходят пешком или ездят в повозках, запряжённых громадными собакоподобными животными по имени *угнуну*, учат несколько слов на иностранных языках только в случаях абсолютной необходимости и смотрят классические пьесы, написанные ямбическим пентаметром. Никакое знакомство с полезными технологиями, удивительными безделушками, передовым научным знанием других планет, ибо Гай — весьма популярный туристский оазис — похоже, не возбуждают в груди гайрян ни зависти, ни жадности, ни чувства неполноценности. Они продолжают делать то, что и как делали всегда, не скажешь, что тяжеломерно, но с некой дозой упрямства, с вежливым безразличием и непроницаемостью, за которыми скрывается либо высшее самодовольство, либо нечто совершенно иное.

Самые недалёкие туристы с малоразвитых планет, конечно, называют гайрян *птичками*, *куриными мозгами*, *ветренными головушками*, и так далее. Но и многие визитёры с других, более оживлённых мест, посещают маленькие, безмятежные городки, устраивают поездки на природу на повозках, запряжённых *угнуну*, присутствуют на сдержанных, но очаровательных балах (ибо гайряне любят танцевать), и наслаждаются старомодными вечерами в театрах, не теряя ни одного градуса презрения к туземцам. «*Перья, но не крылья*», таково обычное суждение, подводящее итог всему.

Такие патронирующие² визитёры могут провести на Гае неделю, даже не увидев крылатого и не узнав, что то, что они принимали за птицу или самолёт, была женщина, пересекающая небо.

Гайряне помалкивают о своих крылатых, пока их не спросят. Они их не скрывают и не лгут о них, но сами информацию предоставлять не вызываются. Мне пришлось весьма настойчиво задавать вопросы, чтобы иметь возможность написать данный очерк.

Крылья развиваются только в поздней юности. Нет ни следа какой-либо предрасположенности к ним,³ пока внезапно молодые люди — девушки в восемнадцать лет, юноши в девятнадцать — не просыпаются с лёгкой лихорадкой и ужасной болью в лопатках.

Далее следует год или более исключительно тяжёлого физического стресса и страданий, в течении которого субъекта следует держать в покое, в теплоте и хорошенько кормить. Утешения не приносит ничего, кроме еды — нарождающиеся летатели почти всё время ужасно голодны — и их держат завернутыми или запелёнатыми в одеяла, пока тело реструктурирует, переделывает, перестраивает самое себя. Кости облегчаются и становятся пористыми, мускулатура верхней части тела изменяется, из костей лопаток быстро вырастают костные выступы, развиваясь в необъятные *alar processes* — крыльевые выступы. Финальной стадией является рост перьев на крыльях, который уже не так болезнен. Маховые перья массивны и могут достигать метровой длины. Размах крыльев взрослого мужчины-гайрянина

2 В оригинале великогомучее «патронизирующие». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

около четырёх метров, у женщин обычно на полметра меньше. На икрах и лодыжках у них тоже вырастают жёсткие перья, которые широко распахиваются в полёте.

Любые попытки вмешаться, предотвратить или остановить рост крыльев бесполезны, вредоносны, либо даже фатальны. Если крыльям не позволено развиваться, кости и мускулы начинают перекручиваться и съедиваться, причиняя невыносимую и неослабную боль. Ампутация крыльев или летательных перьев на любой стадии вызывает медленную, мучительную смерть.

Среди некоторых наиболее консервативных, архаических народов Гая, племенных сообществ, живущих по обледелым берегам северных полярных регионов, и пастушеских племён холодных бесплодных степей дальнего юга, эта уязвимость крылатых инкорпорирована в религию и ритуал. На севере, как только у юноши или девушки показываются фатальные признаки, его или её хватают и передают старейшинам племени. С ритуалами, похожими на похоронные обряды, к ногам и рукам жертвы привязывают тяжёлые камни, потом процессией идут на скалу высоко над морем и бросают жертву вниз с криками: «Летай! Летай для нас!»

У степных племён крыльям позволено развиваться полностью и за молодым человеком заботливо и уважительно ухаживают весь этот год. Давайте, для определённости, скажем, что фатальные симптомы развились у девушки. В своём лихорадочном трансе она выступает как шаман и предсказательница. Священники слушают и толкуют все её речи народу. Когда крылья вырастут полностью, их подвязывают к спине. Потом всё племя идёт с ней к ближайшему высокому месту — скале или обрыву — часто в этой плоской, пустынной местности такое путешествие длится целые недели.

На высотах, после многих дней танцев и вдыхания галлюциногенного дыма коптящих костров из дерева *байубайу*, священники, все под наркотиками, танцующие и поющие, идут с девушкой на край утёса. Там её крылья освобождают. Она поднимает их в первый раз в жизни, а потом, словно сокол, покидающий гнездо, спотыкаясь, прыгает с утёса в воздух и дико бьёт этими громадными, ни разу не пробованными крыльями. Летит ли она или падает, но только все мужчины племени, вопя от возбуждения, стреляют в неё из луков или бросают остро заточенные охотничьи копыя. Девушка падает, пронзённая десятками стрел и копий. Тогда женщины спускаются вниз с утёса и, если в ней ещё осталась хоть какая-то капля жизни, забивают её камнями. Потом они заваливают труп, пока тело не будет полностью погребено под курганом.

У подножья любого крутого холма или обрыва в этой степной стране стоит много курганов, древние курганы поставляют камни для новых.

Молодые люди пытаются уйти от своей судьбы, сбежав из племени, однако слабость и лихорадка, которыми сопровождается развитие крыльев, превращает их в калек, и они никогда не уходят далеко.

В Южных болотах Мерма существует предание о крылатом человеке, который прыгнул в воздух с жертвенного утёса и полетел так быстро, что, избежав стрел и копий, исчез в небе. Оригинальная история здесь и заканчивается. Драматург Норвер воспользовался ею в качестве основы романтической трагедии. В его пьесе «Преступление» молодой человек назначает свидание возлюбленной и летит туда, чтобы встретиться с ней, но она неумышленно выдаёт его другому воздыхателю, который лежит в засаде. Когда любовники обнимаются, воздыхатель бросает копье и убивает крылатого. Девушка достаёт свой кинжал и убивает убийцу, а потом — после душераздирающего прощания с умирающим крылатым — закалывает себя. Пьеса, конечно, мелодраматична, но, если она хорошо поставлена, то так трогательна, что у всех слёзы стоят в глазах, и тогда, когда герой вначале взмывает в воздух, как орёл, и тогда, когда,⁴ умирая, он окутывает возлюбленную громадными бронзовыми крыльями.

Несколько лет назад «Преступление» поставили на моей планете, в Чикаго, в театре Актуальной Реальности. К несчастью, но, наверное, неизбежным образом, пьесу поставили под названием «Жертвоприношение ангелов». Среди гайрян совершенно не существует мифологии или фольклора, относящегося к чему-то напоминающему наших ангелов. Сентиментальные картинки милых маленьких херувимчиков с детскими крылышками, порхающих в виде духов-хранителей, или величественные образы крылатых божественных посланцев поразили бы их как чудовищная насмешка над тем, чего страшится каждый родитель и каждый подросток: над редким, но страшным уродством, проклятием, смертным приговором.

Среди урбанизированных гайрян этот страх до некоторой степени ослаблен, ибо к крылатому теперь относятся не как к жертвенному козлу отпущения, но с терпимостью и даже с сочувствием, как к человеку со злосчастной судьбой.

Это может показаться странным. Парить над головами прикованных к земле, соревноваться с орлами и летать с кондорами, танцевать в воздухе, оседлать ветер, а не шумный металлический ящик или хитроумное изобретение из пластика, материи и ремней, плыть на собственных широких, сильных, роскошных, распростёртых крыльях — как может это быть чем-то иным, кроме радости и свободы? Какими скучными, с угрюмым сердцем и свинцовой душой должны быть гайряне, чтобы считать умеющих летать калеками!

Однако, у них есть на это свои причины. Дело в том, что крылатые гайряне не могут доверять своим крыльям.

Никаких погрешностей в конструкции крыльев нет. При самой малой практике они восхитительно служат для небольших полётов, для скольжения по воздуху без всяких усилий и для парения на восходящих потоках, а при большей практике — для трюков, фокусов и кувырканий, для воздушной акробатики. Когда крылатые полностью возмужают, то могут достичь большой

4 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

выносливости, если летают регулярно. Они могут оставаться на крыле почти до бесконечности. Многие научаются даже спать в воздухе. Были отмечены полёты на две тысячи миль с короткими порхающими остановками на еду. Большинство таких очень далёких полётов совершаются женщинами, чьи более лёгкие тела и костная структура дают им преимущество на дальних дистанциях. Мужчины с их более мощной мускулатурой брали бы призы в полётах на скорость, если бы такие соревнования проводились. Ибо гайряне, по крайней мере,⁵ бескрылое большинство, не интересуются рекордами и призами, и уж конечно не в соревнованиях, где весьма велик риск смерти.

Проблема заключается в том, что крылья летателей подвержены внезапным, тотальным, катастрофическим отказам. Специалисты по полётам и медики-исследователи на Гае и в других местах не смогли найти причины этого. Конструкция крыльев не имеет заметных недостатков, поэтому отказы, должно быть, вызываются ещё не обнаруженными физическими или психологическими факторами, какой-то несовместимостью *alar processes* (крыльевых выступов) с остальным телом. К несчастью, слабость никак не фиксируется заблаговременно, то есть нет возможности заранее предсказать отказ крыльев. Он происходит без предупреждения. Летатель, который летал всю свою взрослую жизнь без малейшей тени трудностей, одним прекрасным утром взлетает, набирая высоту, и вдруг, к собственному ужасу обнаруживает, что крылья больше ему не подчиняются — они содрогаются, закрываются, хлопают по бокам, полностью парализованные. И летатель падает с неба камнем.

В медицинской литературе утверждается, что один полёт из двадцати заканчивается отказом. Летатели, с которыми я разговаривала, верят, что отказы крыльев даже и близко не так часты, приводя в пример людей, десятилетиями летавших ежедневно. Но это, пожалуй, не та тема, которую они желали бы обсуждать со мной, или даже друг с другом. Кажется, у них нет предварительных предосторожностей или ритуалов, они считают отказы истинно случайными. Отказ может произойти как в первом полёте, так и в тысячном. Никаких причин для него не обнаружено — наследственность, возраст, неопытность, утомление, диета, эмоция, физическое состояние. Всякий раз, когда летатель понимается ввысь, шанс отказа крыльев остаётся тем же самым.

Некоторые, конечно, выживают после падения. Но они никогда не падают снова, потому что никогда снова не летают. Раз уж крылья отказали, они бесполезны. Они навсегда остаются парализованными и тащатся рядом и позади своего владельца, словно громадная, тяжёлая пелерина из перьев.

Иностранцы спрашивают:⁶ *почему на случай отказа крыльев летатели не носят парашютов?* Несомненно, они могли бы. Но это вопрос темперамента. Крылатый, который летает, это как раз тот, который идёт на риск отказа крыльев. Тот же, кто не желает риска, попросту не летает. Или, может быть, тот, кто считает это риском — не летает, а тот, кто летает, не относится к отказу, как к риску.

5 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ампутация крыльев неизменно фатальна, и хирургическое удаление любой их части влечёт острую, неизлечимую, калечащую боль. Павшие летатели и те, кто предпочёл не летать, должны всю жизнь волочить за собой свои крылья, волочить по улицам, волочить вверх и вниз по лестницам. Их изменённая костная структура не слишком подходит для приземлённой жизни; передвигаясь пешком, они легко устают, они страдают от множества переломов, растяжений сухожилий и мышц. Немногие из нелетающих летателей доживают до шестидесяти.

Те же, кто летает, при каждом старте глядят в лицо смерти. Тем не менее, некоторые продолжают летать и в восемьдесят лет.

Взлёт — чудесное зрелище. Человеческие существа оказались не столь неуклюжи, как я ожидала, помня совершенно лишённое грации трепыхание таких мастеров воздуха, как пеликаны и лебеди, лежащие на крыло. Конечно, гораздо легче взлетать с шеста или с высокого места, но если ничего подходящего нет поблизости, всё, что нужно — это пробежать двадцать-двадцать пять метров, достаточных, чтобы пару раз поднять и опустить большие распростёртые крылья, потом ещё шаг, который уже не касается земли, а потом они вверху, в воздухе, парят — и, может быть, ещё покружатся над головой, чтобы улыбнуться и помахать рукой вниз, в запрокинутые лица тех, что на земле, прежде чем стрелой промчатся над крышами или над холмами.

Они летают, плотно сжав ноги, немного выгнув тело назад и растопырив ножные перья наподобие ястребиного хвоста. Так как руки не имеют общей мускулатурной связи с крыльями (крылатые гайряне — существа с шестью конечностями), руки могут быть прижаты к бокам, чтобы уменьшить сопротивление воздуха и увеличить скорость. В неспешном полёте летатели могут что-нибудь делать руками — почесать голову, почистить фрукт, рисовать вид местности с воздуха, держать ребёнка. Хотя последнее я видела лишь однажды, и это меня обеспокоило.

Несколько раз я разговаривала с крылатым гайрянином по имени Ардиадиа; ниже следуют его собственные слова, записанные с его разрешения во время наших разговоров.

«О, да, когда я впервые обнаружил — когда это начало происходить со мной, понимаете — меня попросту сбilo с катушек. Я ужаснулся! Я не мог в это поверить. Я был так уверен, что со мной этого не случится. Детьми мы часто шутили о всяких там “летунах”, о том, как в один прекрасный день это с кем-то происходит — но я? Крылья растут — у меня? Такого не могло произойти со мной. Поэтому, когда у меня разболелась голова, потом некоторое время ломило зубы, а потом начались боли в спине, я продолжал убеждать себя, что это всего лишь зубная боль, что у меня инфекция, абсцесс... Но когда всё началось по-настоящему, больше нельзя было душить самого себя. Это было ужасно. Я помню не слишком много. Было плохо. Всё болело. Вначале словно ножами резали между лопаток, потом клыками грызли хребет. А потом заболело всё остальное: руки, ноги, пальцы, лицо... А я был такой слабый, что не мог стоять. Я выбрался из постели и свалился на

пол — и не мог подняться. Я лежал на полу и звал мать: “Мама! Мама! Подойди, пожалуйста!” Она спала. Она работала допоздна официанткой в ресторане и возвращалась домой заметно за полночь, поэтому спала крепко. А я чувствовал, как пол подо мной становится горячим. У меня был такой жар от лихорадки, что я пытался подвинуть лицо на более прохладное место пола...

Ну, я не знаю, то ли боль ослабла, то ли я просто привык к ней, но через пару месяцев стало чуток получше. Хотя было тяжело. Долго, тупо, странно. Лежать там всё время. Но не на спине. Понимаете, больше никогда в жизни не ляжешь на спину. И так тяжело спать по ночам. Когда болит, то всегда по ночам болит сильнее. Всё время лёгкая лихорадка, всё время в голову приходят странные мысли, рождаются забавные идеи. И никогда ни одну мысль невозможно додумать до конца, невозможно придерживаться только одной идеи. Я чувствовал себя так, словно вообще разучился по-настоящему думать. Мысли просто приходили ко мне и пролетали насквозь, а я всего лишь следил за ними. И больше никаких планов на будущее, потому что каким теперь было мое будущее? Я хотел быть школьным учителем. Моя мать так радовалась этому, поощряла, чтобы я оставался в школе дополнительный год поднатаскаться для учительского колледжа... Что ж, в свой девятнадцатый день рождения я лежал в маленькой комнате нашей трёхкомнатной квартиры над продуктовым магазином в переулке Кружевниц. Мать принесла праздничную еду из ресторана и бутылку медового вина, мы пытались устроить праздник, но я не мог пить вино, а она не могла есть, потому что всё время плакала. Зато есть-то я мог, я теперь всегда был зверски голоден и это её немного радовало... Бедная мама!

Что ж, мало-помалу я выбрался из кризиса, крылья постепенно росли — большие, уродливые, свисающие голые штуки, отвратительные на вид, если уж об этом речь, и стало даже ещё хуже, когда они начали оперяться.⁷ зачатки перьев напоминали громадные прыщи... — но когда появились маховые и вторичные перья, и я начал ощущать там мускулатуру, научился встряхивать свои крылья, расправлять их немного и поднимать, и у меня больше не было лихорадки, или, наверное, я просто привык, что лихорадка у меня всё время, я не очень чувствую разницу — и я научился вставать и расхаживать по комнате, и чувствовал, какое лёгкое теперь у меня тело, словно сила тяжести на меня больше не действует, даже с весом этих громадных крыльев, волочащихся вслед за мной... но я уже мог поднимать их, мог отрывать их от пола...

Но сам, однако, ещё оторваться не мог. Я оставался прикованным к земле. Тело чувствовало лёгкость, но я выматывался,⁸ пытаясь просто ходить, становился слабым и трясущимся. Раньше я очень хорошо прыгал в длину, но теперь не мог оторвать от земли сразу обе ноги.

7 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Чувствовал я себя много лучше, но меня беспокоило, что я такой слабый, и я ощущал себя запертым. словно я в капкане. Потом пришёл летатель, житель пригорода, который услышал обо мне. Летатели приглядывают за детьми, проходящими через изменение. Он уже заходил пару раз, чтобы успокоить мать и убедиться, что со мной всё хорошо. Я был ему благодарен за это. Теперь он снова пришёл, долго говорил со мной и показал упражнения, которые нужно делать. И я их делал, каждый день, почти всё время, часами и часами. Что ещё мне оставалось? Мне нравилось читать, но чтению больше не удавалось удерживать мое внимание. Мне хотелось пойти в театр, но я не мог этого сделать, я всё ещё не был достаточно силен. А в общественных местах, вроде театров, нет места для людей с неподвязанными⁹ крыльями, там вы занимаете слишком много пространства и причиняете беспокойство окружающим. В школе мне хорошо давалась математика, но я больше не мог сосредоточиться ни на одной задаче. Все они казались неважными. Поэтому ничего не оставалось, как только выполнять упражнения, те, которым научил меня летатель. И я их выполнял. Всё время.

И упражнения помогли. Места на самом-то деле было мало даже в нашей гостиной. Я не мог полностью поднять крылья вертикально, но я делал, что мог. Я почувствовал себя лучше, я стал сильнее. У меня,¹⁰ наконец,¹¹ появилось ощущение, что мои крылья принадлежат мне. Они стали частью меня. Или я стал частью их.

Тогда в один прекрасный день я не смог больше оставаться взаперти. Я провёл взаперти тринадцать месяцев, в этих трёх маленьких комнатках, большую часть времени просто в одной комнате, тринадцать месяцев! Мама тогда была на работе. Я пошёл вниз по лестнице, сделал первые десять шагов, а потом поднял свои крылья. Даже при том, что лестничный пролёт был слишком узок, я смог их немного поднять и с последних шести ступенек прыгнул и спланировал. Как смог. Я очень сильно ударился подошвами, колени подогнулись, но, в общем, я не упал. Это не было полётом, но и падением это не было.

Я выбрался наружу. Воздух был чудесным. Я почувствовал очень сильно, что не был на свежем воздухе целый год. Фактически, я чувствовал себя так, словно всю свою жизнь не знал, что такое воздух. Даже на этой узкой маленькой улочке с домами, нависающими над головой, здесь был ветер, здесь было небо, а не потолок. Небо над головой. Воздух. Я пошёл. Я ничего не планировал. Просто хотел выбраться из переулков и аллей куда-то на открытое место, на большую площадь, в сквер или в парк, куда-нибудь с открытым небом. Я видел, как люди глазят на меня, но мне было всё равно. Когда у меня не было крыльев, я сам глазел на крылатых. Ничего не имея в виду, просто из любопытства. Крылья не слишком-то обычны. Представлял себе, каково это — быть с крыльями, понимаете? Просто невежество. Поэтому сейчас мне было безразлично, что люди глазят на меня. Я слишком

9 В оригинале «не подвязанными» отдельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

сильно хотел выбраться из-под крыши. Но́ги были ещё слабые и дрожали, но я продолжал идти и временами, когда на улице было мало народу, я немного поднимал свои крылья, встряхивал ими, получая ощущение воздуха под перьями и на мгновения давая отдых ногам.

Так я добрался до Фруктового рынка. Он был закрыт, потому что наступил вечер, все палатки задвинули назад,¹² и в¹³ центре образовалось большое пространство, мощёное булыжником. Я постоял там немного перед местом, где снимают пробы, делая свои упражнения, поднимая крылья вверх и вытягиваясь — впервые я смог полностью вытянуться вертикально, и я чувствовал себя просто чудесно. Потом, подняв крылья, я припустился рысью, и на мгновение мои но́ги стали отрываться от земли. Я не смог воспротивиться искушению, не смог устоять, я стал бегать и поднимать свои крылья, а потом резко опускать их¹⁴ и снова поднимать — и я взлетел! Прямо передо мной оказалось здание палаты мер и весов, серый камень его фасада прямо перед моим лицом,¹⁵ и мне даже пришлось оттолкнуться от него руками,¹⁶ и я упал на тротуар. Я встал, повернулся — и передо мной открылось пустое пространство рынка, где можно было бежать наискосок до самого здания снятия проб. И я побежал — и взлетел...

Я немного полетал над рынком, стараясь держаться низко, обучаясь поворачивать и накреняться, обучаясь пользоваться хвостовым оперением. Всё шло вполне естественно, ты просто чувствуешь, что надо делать, сам воздух говорит тебе... но люди там, внизу, смотрели вверх и пригибались, когда я кренился над ними чересчур круто или пикировал... Мне было наплевать. Я летал около часа до самой темноты, когда все уже разошлись. К тому времени я поднялся и летал высоко над крышами. Но я почувствовал, что мышцы крыльев устали, и что мне лучше спуститься. Но это оказалось тяжело. Я хочу сказать, что посадка оказалась тяжелее подъёма, потому что я ещё не знал, как приземляться. Я упал, как мешок с камнями — бац! Чуть не растянул лодыжку, а подошвы жгло, как огнём. Если бы кто-то видел — смеялся бы. Но мне было всё равно. Просто тяжело снова оказаться на земле. Я возненавидел быть внизу. Ковылять домой, волочить свои крылья, которые здесь, внизу, не годились, чувствовать слабость, чувствовать тяжесть.

Добраться до дома заняло довольно долгое время, мама вернулась лишь чуть позже меня. Она посмотрела на меня и сказала: «Ты выходил», и я ответил: «Я летал, мама», а она заплакала.

Я чувствовал вину, но мне нечего было больше сказать.

Она даже не спросила, хочу ли я продолжать летать. Знала, что хочу. Я не понимаю людей, у которых есть крылья и которые ими не пользуются. Думаю, они интересуются карьерой. А может, уже влюбились в кого-то на

12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 В оригинале без «в». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

16 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

земле. Но это кажется... Я не знаю. Не могу такое понять. Желание оставаться внизу. Самому выбрать — не летать. Бескрылым этого не понять, и не их вина, что они приземлены. Но если у тебя есть крылья...

Конечно, они могут бояться отказа крыльев. Отказов не бывает, если не летаешь. Такого,¹⁷ конечно,¹⁸ не произойдёт, правда? Как может отказать то, что никогда не работает?

Думаю, для некоторых очень важна безопасность. У них есть семья, или какие-то обязательства, или работа, что-то такое, что делает безопасность важной. Я не знаю. Вам надо поговорить с кем-то из них. Я — летатель.»

Я спросила Ардиадиа, чем он зарабатывает на жизнь? Как и многие летатели, он работает повременно на почтовую службу, доставляя правительственную корреспонденцию и депеши в основном в дальних полётах, иногда даже над морем. Очевидно, его считают одарённым и надёжным работником. С особо важными депешами, сказал он мне, всегда посылают двух летателей, на случай если один пострадает от отказа крыльев.

Ему было тридцать два. Я спросила, женат ли он и он ответил, что летатели никогда не женятся; сами они называют любовные истории «интрижкой на крыльях», сказал он с лёгкой улыбкой. Я спросила, всегда ли интрижки происходят с другими летателями, и он отвечал: «О, да, конечно», непреднамеренно обнаружив своё изумление или, может, отвращение к идее полюбить нелетателя. Манеры его были приятны и вежливы, он был в высшей степени любезен, но не вполне смог скрыть своё ощущение отъединённости, отличия от бескрылых, действительно не имея с нами ничего общего. Не может же он не смотреть на нас сверху вниз.

Я немного нажала на него по поводу его чувства превосходства, и он попытался объяснить. «Когда я говорил, что я — это мои крылья, то ведь так оно и есть. Способность летать делает всё остальное неинтересным. Всё, чем занимаются люди, кажется таким тривиальным. Летание — это всё. Этого достаточно. Я не знаю, сможете ли вы понять. Это всё твоё тело, это ты сам вверху, один в целом небе. В ясный день, в солнечном свете, когда всё остальное лежит там,¹⁹ внизу, очень далеко... Или при сильном ветре, в штормовую погоду. Когда рыбацкие лодки направляются к берегу и всё достаётся только тебе: небо, полное дождя и молний, тучи под крыльями. Однажды возле мыса Эмер я танцевал в дождевых струях... Летанию

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

отдаёшь всё. Всё, что ты сам есть, всё, что у тебя есть. И поэтому, если падаешь вниз, то падаешь полностью. И если падаешь в море, то кто узнает, кто озаботится? Я не хочу быть похороненным под землёй.» От этой мысли он слегка задрожал. Я видела, как дрогнули его длинные, тяжёлые, бронзово-чёрные крылья.

Я спросила, не приводят ли иногда интрижки на крыльях к детям, и он с безразличием ответил, что, конечно, иногда приводят. Я ещё немного нажала на него, и он сказал, что ребёнок — большое беспокойство для летающей матери, и что как только ребёнка отнимут от груди, его обычно оставляют «на земле», как он выразился, на воспитание родственникам. Но иногда крылатая мать так привязывается к ребёнку, что сама остаётся на земле, чтобы воспитывать его. Он сказал это мне с неким презрением.

У детей летателей не в большей мере могут вырасти крылья, чем у других детей. Данный феномен вызывается не генетическим фактором, но является патологией развития, разделяемой всеми гайрянами, и которая проявляется меньше, чем у одного из тысячи.

Мне кажется, Ардиадия не согласился бы со словом «патология».

Я поговорила также с нелетающим летателем, который позволил мне записать наш разговор, но просил не называть его имени. Он член уважаемой юридической фирмы небольшого городка в Центральном Гае. Он сказал: «Я никогда не летал, нет. Когда я заболел, мне уже было двадцать. Я думал, что уже миновал возраст, что нахожусь в безопасности. Это было ужасным ударом. Мои родители уже потратили большую кучу денег, жертвуя всем, чтобы направить меня в колледж. Я хорошо учился в колледже. Я любил учиться. У меня есть интеллект. Достаточно плохо было пропустить год. Я не хотел, чтобы этот бизнес сожрал всю мою жизнь. Для меня они — просто наросты. Выросты. Помеха при ходьбе, в танцах, нельзя сидеть цивилизованным образом на нормальном стуле, помеха носить приличную одежду. Я отказался допустить, чтобы нечто подобное встало на пути моего образования, поперёк моего жизненного пути. Летатели глупы, все их мозги уходит в перья. Я не хотел даже забавляться мыслью занять шанс порхать над крышами. Меня больше интересует, что происходит под крышами. Мне безразличны роскошные пейзажи. Я предпочитаю людей. И я хочу нормальной жизни. Я хотел жениться, иметь детей. Мой отец был очень сердечным человеком, он умер, когда мне было шестнадцать, и я всегда думал, что если бы я смог быть столь же добрым к своим детям, как он к нам, это был бы способ отблагодарить его, почтить его память. Мне крупно повезло, я встретил красивую женщину, которая не утратилась моего уродства. По правде говоря, она даже не позволяет мне их так называть.²⁰ Она настаивает, что всё это...», — лёгким движением головы он указал на крылья — «... и было тем, что она впервые разглядела во мне. Говорит, что когда мы познакомились, она считала меня скупным, напыщенным молодым человеком, пока я не повернулся...»

20 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Его головные перья были чёрными, гребень — синим. Крылья, хотя и приглаженные, подвязанные и заткнутые за пояс (крылья нелетателей всегда такие, их стремятся сделать по возможности менее заметными), обладали роскошными перьями с тёмно-синей и павлиньей расцветкой, с чёрными краями и полосами.

«Во всяком случае, я твёрдо намерен ходить по земле во всех смыслах этого слова. И если бы у меня было когда-нибудь юношеское желание немного полетать, чего в действительности никогда и не было, как только я преодолел период лихорадки и бреда и смирился со всем болезненным и бесполезным процессом, и если²¹ я хоть когда-нибудь подумывал о летании — как только я женился, как только мы заимели ребёнка, ничего, ничего не могло побудить меня томиться даже по вкусу той жизни, подумать о ней хоть на мгновение. Вся безответственность этой мысли, всё её высокомерие — противно всему моему существу.»

Потом мы некоторое время говорили о его юридической практике, которой стоило восхищаться, ибо он посвятил себя защите бедных от мошенников и спекулянтов. Он показал мне портреты двух своих очаровательных дочерей одиннадцати и девяти лет, которые нарисовал собственным пером. Шансы, что у кого-то из детей начнут расти крылья — тысяча к одному, как у любого гайрянина.

Незадолго до ухода я спросила его: *«Вам когда-нибудь снились полёты?»*

Как истинный адвокат, он помедлил с ответом, отвернулся и долго смотрел в окно.

«А разве не каждому снятся?» —²² спросил он.

2000 © Урсула Кроубер Ле Гуин

21 В оригинале «ели». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Летатели Гая. Межпланетная история.» Урсула Кроубер Ле Гуин
«The Flyers of Gy. An Interplanetary Tale.» Ursula Kroeber Le Guin
2000 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	12-13.09.2017
Время редактирования:	00:45:52
Количество сохранений:	52

Общее количество страниц:	18
Общее количество абзацев:	141
Общее количество слов:	5446
Общее количество символов:	36173

Copyright © 2000 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 2000 by Е. Гужов (переводчик)

Copyright © 12-13.09.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Le Guin